

В тот самый момент, когда Ши Чжоу поглотила ледяная морская вода, его сознание заполнил не только всепроникающий, до костей знакомый ужас, но и инстинктивное, острое нежелание умирать, боль неожиданной гибели — того, о чём его обычно беззаботная натура никогда не задумывалась.

Бесчисленные эмоции взорвались в нём с неистовой силой, переплелись, превращаясь в кокон отчаяния, в ловушку, из которой Ши Чжоу не мог выбраться. Даже когда солёная вода обожгла глаза, он заставил себя открыть их, не обращая внимания на боль.

— Я не хочу умирать.

Перед глазами мелькнула вспышка белого света, и в следующий миг Ши Чжоу врезался в что-то объёкта. Он вцепился в них, как в последнюю надежду на спасение, цепляясь изо всех сил, не желая отпустить.

Ши Чжоу оставался неподвижным, вцепившись в Цинь Яньчэна как в спасательный круг, не вырываясь и не барахтаясь, как это делают тонущие.

Увидев его неестественное состояние, сердце Цинь Яньчэна сжалось. Он подтянул Ши Чжоу к поверхности.

Солнечный свет обжёг пропитанные морской водой глаза Ши Чжоу, и он судорожно зажмурился. В этом паническом мраке он лишь сильнее вцепился в единственный тёплый и надёжный якорь в этом хаосе.

В его голове царил полный хаос, будто душу разорвало на части, оставив лишь одну навязчивую память о смерти:

Ледяная речная вода, заливающая салон машины, заполняющая нос и рот, заклинивший ремень безопасности, дверь, смятая давлением воды — удушающая агония умирания —

Спасатели вытащили их на борт. Увидев, как Ши Чжоу весь дрожит, тяжело дышит, а лицо искажено страхом, Цинь Яньчэн не раздумывая обнял его одной рукой за плечи, а другой начал уверенно похлопывать по спине.

Ши Чжоу резко закашлялся, с трудом выталкивая из лёгких морскую воду, а затем наконец судорожно вдохнул, выдыхая обрывками фраз, голос дрожал, становясь почти невнятным:

— Я не хочу умирать... Братик, так холодно... Я не хочу умирать... Я ничего не вижу... Братик...

Сердце Цинь Яньчэна сжалось. Он крепко прижал Ши Чжоу к себе, одной рукой продолжая мягко гладить его по спине, другой осторожно протирая глаза, обожжённые солёной водой. Склоняясь к самому уху, он тихо шептал:

— Ши Чжоу, всё хорошо. Всё уже хорошо.

Синь Цзинь поспешно передал бутылку воды. Цинь Яньчэн молча взял её, намочил салфетку и аккуратно вытер распухшие, покрасневшие глаза Ши Чжоу.

Но влага, казалось, не заканчивалась. И тут Цинь Яньчэн понял — это были не остатки морской воды, а беззвучные слёзы Ши Чжоу.

Тот крепко зажмурился, не проронив ни звука, но ресницы были влажными от слёз, которые

вместе с каплями воды стекали по его волосам. Единственное, что выдавало его состояние — едва заметная дрожь дыхания.

Цинь Яньчэн на мгновение остолбенел. Он никогда раньше не видел Ши Чжоу таким. Даже неловкость оттого, что его спутали с другим и назвали «братиком», стерлась в памяти. Сердце сжалось от странной, необъяснимой тревоги.

Скоро катер пришвартовался. Медики на берегу поспешили навстречу, но Ши Чжоу ни за что не хотел отпускать свою «линию жизни» — его тело оставалось напряжённым и дрожащим, глаза всё ещё закрыты.

Чем больше его пытались отцепить, тем крепче он цеплялся, обвившись вокруг Цинь Яньчэна, как маленький коала.

Увидев это, Цинь Яньчэн лишь похлопал его по голове и уверенно произнёс:

— Подожди ещё немного.

По мрачному выражению лица было видно — Цинь Яньчэн на пределе от тревоги, и потому никто больше не осмелился подойти. Но с Ши Чжоу он был терпелив — мягко уговаривал:

— Не бойся. Я здесь. Ты не умрёшь.

Ши Чжоу уткнулся лицом в его плечо, не двигаясь.

В тот момент Цинь Яньчэн и сам не понял, что на него нашло. Не раздумывая, он наклонился —

И легко поцеловал Ши Чжоу в лоб.

Это должно было стать просто утешением, но в этом движении осталось нечто большее, нечто, о чём он раньше и не задумывался.

Сам он от этого растерялся. К счастью, Ши Чжоу всё ещё был в прострации и ничего не заметил. Как и никто из окружающих.

Кроме... он полностью забыл, что камеры всё ещё работали — и передавали всё в прямом эфире.

Зрители, наблюдавшие столь неожиданную сцену, впали в ступор:

□Боже, это же кошмар талассофоба. Меня в детстве чуть не утопило — я в ужасе.□

□Этот челлендж слишком опасный!□

□Почему меры безопасности такие слабые? Если бы с Чжоучжоу что-то случилось, вы бы ответили за это?!□

□Президент Цинь такой нежный... Я думала, они сегодня поругаются, а они по-прежнему такие милые.□

□То, как он прыгнул в воду — это было чертовски эффектно. Даже спасатели так быстро не реагируют.□

Разумеется, нашлись и злопыхатели:

□Фальшь. Даже если он не умеет плавать — что, совсем бы не сопротивлялся? Явная актёрская игра!□

Фанаты тут же ответили:

□То он, по-вашему, вообще не умеет играть, то вдруг слишком хорошо играет? Определитесь уже.□

□Ты правда думаешь, что он стал бы рисковать жизнью ради шоу? Или что президент Цинь пошёл бы на такое опасное притворство?□

□Слыхали про ПТСР? Похоже, у Чжоучжоу раньше уже был неприятный опыт, связанный с водой.□

□Полностью согласен.□

Прошло немало времени, прежде чем к Ши Чжоу полностью вернулось сознание. Он с усилием приоткрыл глаза, которые всё ещё жгло. Зрение оставалось расплывчатым. Первое, что он увидел — чёткая линия челюсти Цинь Яньчэна, напряжённая, сдержанная.

Цинь Яньчэн был промок до нитки — и волосы, и одежда, — но его тело оставалось тёплым, а объятия — крепкими, надёжными.

— Цинь Яньчэн? — Ши Чжоу всё ещё был в смятении, но одна мысль звучала в голове отчётливо. Он прошептал: — Цинь Яньчэн, я не хочу умирать...

Голос его был хриплым, обожжённым морской водой. Цинь Яньчэн тихо отозвался:

— Не говори. То, что ты не хочешь умирать — хорошо. Ты не умрёшь... Не бойся.

Он подхватил Ши Чжоу на руки и понёс в дом на колёсах, предоставленный съёмочной группой.

Помимо первобытного страха и повторяющейся в голове фразы «я не хочу умирать», Ши Чжоу не имел ни малейшего понятия, как оказался здесь — из полёта в небе вдруг очутился промокшим в объятиях Цинь Яньчэна.

И больше всего его сбивало с толку — зачем Цинь Яньчэн держит его так крепко? Так крепко, что даже дышать трудно. Почти как будто... он волнуется?

Помощник Бянь поспешил подойти с полотенцами и сухой одеждой:

— Президент Цинь, брат Ши, я принёс смену и полотенца. Ещё купил немного имбиря. Может, заварить имбирный чай? Вы оба промокли — надо согреться.

Ши Чжоу, которого уложили на кровать, всё ещё был в полуобморочном состоянии, глаза щипало. Он едва шевелился — до тех пор, пока не услышал слова «имбирный чай» и тут же резко сел, возмущённо запротестовав:

— Нет! Я не буду его пить!

Цинь Яньчэн не обратил внимания:

— Заваривай.

— Цинь Яньчэн, я категорически отказываюсь!

Голос Ши Чжоу всё ещё был осипшим, и как бы он ни старался говорить уверенно, прозвучал он жалко, почти по-детски. На фоне хладнокровного Цинь Яньчэна он не имел ни единого шанса.

Цинь Яньчэн остался непоколебим. Вскоре весь домик наполнился резким запахом имбиря.

С закрытыми глазами Ши Чжоу внутренне стонал: Мой собственный помощник меня не слушается. Ну и жизнь...

Цинь Яньчэн даже не стал переодеваться сам, а сначала помог Ши Чжоу — наполовину ослепшему — переодеться и умыться.

Тепло в трейлере быстро развеяло страх — так же, как это случилось в первые дни после трансмиграции, — оставив лишь лёгкий след, будто и не было ничего.

Это и было его одной из сильных сторон — его жизнестойкость, способность быстро приходить в себя.

Когда Цинь Яньчэн начал расстёгивать его рубашку, он сказал:

— Позже врач осмотрит тебе глаза. Есть ещё где-то дискомфорт?

Ши Чжоу, не открывая глаз, вдруг поёжился — он уже оказался полностью раздет.

Он сердито фыркнул:

— Цинь Яньчэн, ты же меня игнорировал! Всё ещё злишься! А теперь вдруг разговорился?

Руки Цинь Яньчэна на мгновение замерли, потом он холодно ответил:

— Это другое.

Ши Чжоу надулся и, не открывая глаз, проворчал с наигранной обидой:

— Ты только что видел меня голым!

Цинь Яньчэн тяжело вздохнул:

— Да я и раньше всё это видел.

Когда Ши Чжоу был приведён в порядок, а доктор подтвердил, что с его глазами и телом всё в порядке — только капли нужно закапать, — Цинь Яньчэн наконец расслабился. И лишь тогда, отвернувшись, начал переодеваться сам.

Услышав шелест ткани, Ши Чжоу не удержался и прищурился, несмотря на боль в глазах —

перед ним предстала спина Цинь Яньчэна, гладкая кожа, подтянутый силуэт, широкие плечи и тонкая талия в идеальной пропорции. Не посмотреть было бы настоящим преступлением.

Цинь Яньчэн тут же уловил этот взгляд:

— Глаза уже не болят? Закрой.

— Ах... — Ши Чжоу открыл и снова закрыл рот, послушно смежив веки. — Ты... прямо-таки откровенный и великодушный, да?

Вспоминая, с какой лёгкостью Цинь Яньчэн обнимал его прошлой ночью, Ши Чжоу задумался, не ошибся ли он в человеке. Может, Цинь Яньчэн вовсе не гомофоб?

— Ему и впрямь встречались в жизни дураки: те, кто даже переодеваться при нём не хотели, будто один взгляд в раздевалке был уже посягательством на святое.

Каждый раз так и хотелось закатить глаза: «Парень, глянь на себя в зеркало. У меня есть вкус».

— Ты и раньше меня видел, — спокойно напомнил Цинь Яньчэн. — Не один раз.

Ши Чжоу покраснел:

— Э-то было по предписанию врача! Если бы я не смотрел, ты бы... ты бы...

А вот дальше он говорить не стал. Всплывали слишком неловкие воспоминания.

Цинь Яньчэн, переодевшись, налил чашку имбирного чая:

— Пей.

Ши Чжоу, облокотившись на изголовье кровати, затряс головой так энергично, будто проверял, не попала ли морская вода в мозг:

— Гадость. Сначала ты выпей. Подавай пример.

Цинь Яньчэн придержал его голову одной рукой — чтобы не оторвал себе, не дай бог, — и залпом осушил чашку. Затем налил новую и протянул её Ши Чжоу.

Чай был адски крепким, с каким-то странным, непередаваемым запахом — похоже, помощник Бянь подмешал туда ещё чего-то травяного и сомнительного. Один глоток чуть не отправил Ши Чжоу на тот свет.

Он едва не подавился, потом бессильно рухнул обратно на кровать:

— В этом году не хочу слышать даже слова «имбирь». Ни разу. Серьёзно.

В этот момент в дверях показался Синь Цзин:

— Мой ассистент ещё купил имбирный чай с коричневым сахаром, жареные ломтики имбиря и свежий имбирный сок. Хочешь — для согрева?

Ши Чжоу: «.....»

— Уже лучше, Ши Чжоу? — Синь Цзин распахнул дверь шире. — Ай, виноват. Надо было лучше проверить меры безопасности. Хорошо, что ты в порядке — иначе я бы себя не простил. Хотя, скорее всего, президент Цинь прикончил бы меня первым.

Ши Чжоу поднял большой палец с кровати, мол, жив-здоров, всё ок.

На самом деле вина Синь Цзина здесь была не полной. Без этого случайного падения Ши Чжоу так бы и не понял, насколько глубоко в нём засела боязнь воды. Он и представить не мог, что у такого бесстыжего парня, как он сам, может быть травма.

Он боялся, что Цинь Яньчэн начнёт расспрашивать о его реакции. А наврат на ходу про смерть и переселение души было бы непросто — обычно Ши Чжоу сначала продумывал враньё заранее. А сейчас в голове стоял туман, и он точно бы всё напутал.

Цинь Яньчэн кашлянул, собираясь заговорить. Ши Чжоу напрягся — вот оно, сейчас начнётся...

Но вместо этого Цинь Яньчэн спросил:

— У тебя ведь нет старшего брата. Кого ты тогда звал «братом»?

В досье на Ши Чжоу почти ничего не было, а уж о старших братьях — и подавно. Так кто же тот, к кому Ши Чжоу прижимался с такой отчаянной нежностью?

Изначально Цинь Яньчэн вовсе не собирался лезть в чужие личные дела, но теперь, когда разум прояснился, он никак не мог понять, почему этот, казалось бы, незначительный момент так застрял у него в голове.

Слова «брат, спаси» застряли у него в горле — не выговорить, не проглотить, оставляя после себя странное, неловкое и горьковатое ощущение. В конце концов, он решился и заговорил.

Ши Чжоу застыл в изумлении. Он что, правда назвал его «братом»? Возможно, сработал инстинкт — всякий раз, когда случалась беда, он рефлекторно звал на помощь Ши Ли, полагаясь на него, сам того не осознавая.

Чёрт... Неужели это его выдаст? Ведь у оригинального Ши Чжоу не было ни родного, ни приёмного, ни даже сводного брата — вообще никакого!

Ши Чжоу недоумевал: с какой стати Цинь Яньчэну вообще интересоваться, есть у него родственники или нет? Оставалась лишь одна тревожная возможность — он что, догадался, что я не из этого мира?

Не пытается ли он использовать эту оговорку, чтобы вывести его на чистую воду?

Мысль вогнала Ши Чжоу в панику. Он тут же напрягся, лихорадочно соображая, что бы соврать:

— Это... это мой бывший парень! Точно! Ну, ты же понимаешь, называть парня «братиком» — это же нормально, правда?

У Цинь Яньчэна внутри будто что-то глухо грохнуло. Раздался неслышный гром — и накатила волна необъяснимого раздражения и... ревности.

Он сам не понял, что именно вызвало это чувство и почему оно вызывало такую внутреннюю сумятицу. Тем не менее, на лице не дрогнул ни один мускул:

— Угу, — коротко ответил он, сдержанно и бесстрастно.

Ши Чжоу, с закрытыми глазами, не видел его выражения и решил, что удалось всё замять. Он с облегчением выдохнул.

Цинь Яньчэн остался рядом, пока Ши Чжоу отдыхал весь день. Тому наложили охлаждающие маски на глаза — и он практически ослеп.

Для такого непоседы, как он, быть без зрения было настоящей пыткой. Он умирал со скуки. А в довершение ко всему Цинь Яньчэн снова стал каким-то холодным и отстранённым.

Он ни на что не реагировал, только глухо «угукал». В конце концов Ши Чжоу не выдержал — закидал ногами и возопил:

— Ну е-маё! Всего-то поцеловал! У тебя что, губы отвалились? Ты уже целый день дуешься! Я же правда извинился, Цинь-сяншэн!

Цинь Яньчэн захлопнул книгу и посмотрел на Ши Чжоу — тот, хоть и почти слепой, продолжал метаться, как рассерженный котёнок. Он бессильно нахмурился.

Он ведь и не был особенно зол... Но держать дистанцию с утра — это он сделал намеренно.

— Потому что сам себя не понял. Когда Ши Чжоу вдруг поцеловал его прошлой ночью, будто что-то сорвалось внутри. Всё пошло вразнос, разум выдуло порывом жара, прошедшим от затылка до пяток.

Он едва сдержал дикое, иррациональное желание: схватить Ши Чжоу за затылок, разжать его рот и...

Цинь Яньчэн глубоко вдохнул. Это было нелепо. Неуместно. Совсем не по плану.

Всю ночь он пролежал в темноте, уставившись в потолок, пока Ши Чжоу уютно свернулся у него на груди, и думал: Может, если держаться на расстоянии, всё это безумие уляжется.

После почти целого дня отдыха Ши Чжоу снова оживился. Когда солнце начало клониться к закату, объявили о пляжном барбекю — он тут же с энтузиазмом принялся помогать готовить продукты.

К нему подошёл Тан Чжи:

— Ши Чжоу, ты как? Испугал нас сегодня до смерти.

Ши Чжоу взмахнул высоким хвостом:

— Всё супер!

Потом, вспомнив о фанатах, махнул в камеру и бодро сообщил, что жив-здоров, чтобы те не волновались.

Он сам не знал почему, но в последнее время будто магнитом тянулся к трендам — его видео с падением в воду уже успело снова стать вирусным.

Посмотреть его он ещё не успел, но фанаты вовсю вопили в комментариях, расписывая, какой Цинь Яньчэн красавчик и душечка — «просто сахар в человеческом обличье».

Ши Чжоу подумал: Я вообще ничего не помню, но с такой холодной и отстранённой рожей, как у него сегодня... Люди и правда всё смотрят через розовые сердечки и пузырьки. Просто фильтр-галлюцинация.

Он мысленно пообещал себе: Надо будет потом посмотреть это видео. Уж очень интересно, насколько там всё «сладко».

Тем временем Цинь Яньчэн, возясь с грилем неподалёку, не проявлял ни малейшего интереса к тому, чтобы «шипперить собственный ОТП» и пересматривать себя на видео. Поэтому он был абсолютно не в курсе: тот самый импульсивный поцелуй, который, как ему казалось, никто не заметил, на деле попал в объектив с кристальной чёткостью — каждое движение записано в HD, разлетевшись по Сети и вызвав дикий фанатский визг.

Синь Цзин весь день наблюдал, как эти двое хранят ледяное молчание. Он, конечно, не знал, что именно произошло в их уединённой RV — что там говорилось, что творилось — но чувствовалось: атмосфера между ними стала ещё хуже.

Внешне Цинь Яньчэн выглядел так же, как всегда, но если приглядеться... Он уже не избегал разговора — он просто был по-настоящему зол.

Синь Цзин мысленно вскрикнул: Нет! Мой шип не может развалиться вот так! Что у тебя там в голове, Цинь Яньчэн?! Ладно... Похоже, пора слегка подтолкнуть ситуацию.

Шоу продолжалось по расписанию. В микрофон Синь Цзин бодро объявил:

— А теперь — каждый сам отвечает за своё спальное место! Подходите, разбирайте палатки!

Ши Чжоу ни разу в жизни не ночевал в палатке, так что идея его по-детски воодушевила. Прямо как строить домик из подушек и одеял — маленький уголок уюта, где можно играть в «домик». У кого не затаилось немного детского восторга?

Он весело припрыгал к столу с реквизитом, в предвкушении, когда ему выдадут палатку, чтобы он мог сам её установить.

Но тут он заметил, как Синь Цзин стоит за оборудованием и смотрит на него с тем самым... ужасным выражением. Лицо младенца, а улыбка — та самая, фудзёсская. Улыбка, от которой всё внутри похолодело.

Вжжжжжж! — все внутренние тревожные системы Ши Чжоу завывали сиреной. Он мгновенно понял: детская радость накрылась, и дело снова стремительно скатывается в зону 18+.

Они ведь до сих пор были в состоянии холодной войны! И Ши Чжоу совершенно не хотел снова иметь дело с Цинь Яньчэном — тем более спать с ним рядом!

Вцепившись в последнюю надежду, он слабо спросил:

— Директор Синь, а моя палатка где?

Цинь Яньчэн тоже почувствовал неладное и оторвался от гриля, взглянув в сторону Синь Цзина. Под взглядом, который будто прожигал насквозь (и грозил откусить ему голову), Синь Цзин обречённо хлопнул в ладоши и объявил в камеру:

— Добрый вечер, уважаемые зрители! Сегодня — спецвыпуск: палатка для парочек! Правильно, на двоих!

Ши Чжоу с судорожным тиком на губах развернул палатку и чуть не пошёл трясти Синь Цзина за плечи: Директор Синь, вы с ума сошли?! Придите в себя! Мы ж с ним фальшивая пара!

— Эта «палатка для двоих» — она же крошечная! — мысленно орал он. — Мы оба не худышки! Что, мне теперь спать у него в обнимку?!

Авторское примечание:

Цинь-сяншэн, вы камеры совсем не замечаете? Думали, поцелуй прошёл мимо?

А весь интернет уже: АААААААААА!!!

Цинь Яньчэн: Заткнитесь.

<http://bllate.org/book/12639/1121023>